

Олимпийские бульварные кольца

Чтобы попасть в фан-зону, в Рио вообще никуда не надо идти

вне игры

АЛЕКСАНДР ЗИЛЬБЕРТ

Корреспондент «Коммерсантъ-boscosport» АЛЕКСАНДР ЗИЛЬБЕРТ проверил, что бразильцы делают в разбросанных по городу олимпийских фан-зонах.

Это, конечно, худшая Олимпиада, если говорить о ее компактности. Среди тех, на которых я был. А был я на шести подряд, начиная с Турина. И даже там было все как-то человечнее организовано. Да, на зимних Играх длинных переездов между горными и наземными объектами не избежать. Но хотя бы в горах и в низине они сгруппированы компактно. А тут... Смело можно закладывать час на перемещение между лобными кластерами. А их ведь много. Поэтому когда я прочел об Олимпийском бульваре, который анонсировался как «самое большое в олимпийской истории место для жилого болельщика», то я, конечно, шибко обрадовался. Все болельщики в одном месте собираются, никуда не надо ехать!

Но это был фальстарт. Оказалось, что Олимпийский бульвар — понятие фигуральное, общее название нескольких фан-зон. А «самым большим в истории» этот проект называется как раз ввиду его разбросанности по Рио-де-Жанейро.

В общем, надо было чалиться в Деодоро. Это такой удаленный район Рио-де-Жанейро, который решили отдать на откуп самым непопулярным в Бразилии видам спорта — хоккею на траве, современному пятиборью, регби-7, стрелькам, ну и конникам, конечно. Плюс удобство — для конников и пятиборцев — в том, что рядом военная база. Ведь там кавалерийский полк. А значит, есть, где держать лошадей и чем за ними ухаживать. А это всегда — с точки зрения олимпийского бюджета — большое подспорье.

Пожоже, что, поделившись конюшнями, солдаты взамен решили отводить себе кусочек Олимпиады. Чтобы хоть в одном месте все было не так, как надо Международному олимпийскому комитету, а так, как правильно с точки зрения бразильской военной науки. Поэтому из любых видов транспорта вас высаживают за два километра до объектов — должна же быть зона отчуждения. Все дороги перекрыты, но зрители могут идти только по узкому бульвару между ними. Потому что должно же на дороге оставаться место для неспешного барражирования боевых машин пехоты, танков и просто грузовичков с автоматчиками. Если б мне сказали, что я присутствую на бразильском военном параде, я бы не удивился.

За 500 метров до входа в Олимпийский парк Деодоро — пост военного досмотра. Совершенно очевидно, что он ни к чему. Хотя бы потому, что вслед за ним, перед самым парком есть настоящий, как в аэропорту, с магнитными рамками и лентой проверки бага-

Кавалерийский полк в Деодоро представил свои конюшни в распоряжение олимпийцев. Возможно, поэтому он вынужден много времени проводить на улице. ФОТО REUTERS

жа. Даже сами военные, похоже, понимают никчемность своей миссии. Поэтому без всякого энтузиазма ковыряют деревянной палочкой содержимое твоей сумки и щупают карманы выборочно: на первый раз у меня почему-то проверили только правый, а на второй — только левый. А сразу за кордоном бодро играет военный оркестр, основными слушателями которого почему-то являются какие-то люди в зеленых одеждах, раздающие окружающим прокламации про Иисуса.

И вот, наконец, большое, гектаров в 20 поле со сценой посередине — фан-зона Деодоро, часть Олимпийского бульвара и проекта Rio Fest. Это пространство выглядит пустоватым, хотя лично меня после всех мытарств удивляет, что сюда вообще кто-то доехал. Впрочем, возможно, мне просто не повезло: охранник, досматривавший меня, заявил, что через фан-зону каждый день проходит порядка 30 тыс. болельщиков.

Спешите видеть! Первый в истории Олимпиад финал по регби-7! Билеты еще в продаже и стоят всего 40 реалов (около 800 руб. — А.З.)! Ведущий на сцене в завуалированной форме рассказывал, как все плохо в Рио с продажей билетов на недораскрученные олимпийские виды.

Собственно, чтобы виды эти дораскрутить, и был создан, как я понимаю, Олимпийский парк Деодоро. И задача выполнялась на ура. Ничто — ни жонглер мячами, ни, тем более, струнный оркестр — не привлекало столько внимания, сколько площадки

по видам спорта. На них взрослым и детям предлагалось поиграть не только во всем известный и жутко популярный в Бразилии волейбол, но и по настольному почему-то мячу, приобщиться к экзотическим дынеобразным мячом в ворота для регби, ударить настоящей клюшкой для гольфа по теннисному почему-то мячу, приобщиться к бадминтону. Но главной жемчужиной парка был, безусловно, павильон Международной федерации конного спорта.

Эта крытая площадка была наводнена детворой, которая то и дело преодолевала разного рода препятствия, которые в реальной олимпийской жизни предназначены исключительно для лошадей. На каждом препятствии красуются крупные цифры и познавательный разъяснительный текст. К примеру: 28 рейсов привозили лошадей на Олимпиаду в Рио со всего мира. Или: 2,47 метра — мировой рекорд прыжка коня в высоту, установленный лошаду Хуасо с чилийским наездником Альберте Ларрагибелем Моралесом в городе Винья-дель-Мар 5 февраля 1949 года. Но даже Альберте с Хуасо ни в какое сравнение не идут с электронной лошаду — самым привлекательным аттракционом павильона.

— Многие люди, в том числе в Бразилии, никогда в жизни не сидели в седле и даже не представляют себе ощущения, которые испытывает жокей, насколько порой ему приходится тяжело, — рассказывает Шарлотта Вильямс, руководительница павильона от лица Международной федерации конного спорта. — А мы даем болельщикам возможность побыть в шкуре спортсмена: надеваем на них шлем, сажаем на манекен, полностью повторяющий очертания и размеры среднестатистической лошади и включаем аттракцион. В нем заложена специ-

Просмотр бразильских Игр в японских фан-зонах проходит в высшей степени организованно. ФОТО AFLOSPORT/IMAGO

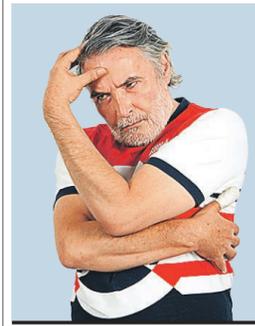
альная программа, имитирующая движения лошади при прохождении трех кругов с препятствиями. Ничего ужасного для посетителей, все абсолютно безопасно. Главное, чтобы вес людей не превышал 90 кг.

Еще одна часть Олимпийского бульвара — это громадная площадь в центре главного Олимпийского парка в Барре. Рядом — арены для тенниса, дзюдо, гимнастики, фехтования, гандбола, плавания. Народу здесь вечером собирается примерно столько, сколько в Деодоро днем. Но выглядит это благодаря размерам площади совсем уж каплей в море. И это несмотря на анонсированное выступление «звезды бразильской эстрады Габи Амарантос». Впрочем, послушав Габи, допускаю, что именно ее выступление могло болельщиков и отпугнуть. Если честно, у меня большие сомнения, что она когда-либо смогла стать звездой даже российской эстрады.

Прячась от всепроникающего воя Габи Амарантос, фанаты разбрелись по разным уголкам фан-зоны, отдаленным на откуп спонсорам. В основном спонсоры на этой Олимпиаде почему-то фантазией не блещут. В каждом павильоне главным местом притяжения является олимпийский факел, с которым предлагается сфотографироваться. Где-то с помощью QR-кода можно послушать на своем телефоне пение птиц, обитающих в бассейне Амазонки. Где-то пострелять из игрушечного лука по надувным шарам. В общем, не мудрено, что люди в основном тусуются возле станций с телефонными зарядками и прилавком с бесплатной газировкой. И я все забываю сказать: везде, и в Деодоро, и в Барре, стояли огромные экраны, на которых транслировались олимпийские состязания. На них так никто и не взглянул.

Для очистки совести я решил посетить еще одну часть Олимпийского бульвара, расположенную в порту. На подходе к ней, полупустой бедняжке, я увидел настоящий шумный карнавал рядом с пляжным кафе. Под громкую музыку танцевали все — от мала до велика. Но вдруг, как по команде, все стихло — на маленьком телевизоре начался второй тайм матча Бразилия—Ирак.

Трудно устроить фан-зоны людям, для которых фан-зоной служит весь город.

АНДРЕЙ ОРЛОВ (ОРЛУША)

ОЛИМПЕЗИЯ

ГЛАВА 6

Неспортивное поведение

Проблемы допинга здесь, в Рио, не существует ни черта, Чего бы вам ни говорили. Клянусь вам статуей Христа, Что здесь «под кайфом» —

каждый третий, И в тот же миг своё бы имя В названии бара запретил. Ну ладно, тут я придираюсь. Что в олимпийскую программу Не включена ещё пока. Игра простая: ром (сто граммов), Потом бутылочка пивка, Потом бразильская кашаса «Канинья 51», Закусим (местная колбаска), Потом — за ромом в магазин, Опять пивка (уже на пляже), Пять селфи в баре на айфон, Ну а потом — как фишка ляжет... Таков бразильский марафон! Короче, нефига тупить, Как спел бы Шнуров: «В Рио — пить!»

Знакомятся бразильцы быстро, Лучшая улыбка, легко, Едва им на бразильском чистом Ты скажешь, например: «Мутко!» — Мудко! Мудко! — бармен метнётся

К бутылке бледно-голубой, И что-то мутное польётся В рюмашечку перед тобой. Нет-нет! Тут нет ни слова матом И про министра спорта нет! «Мудко кон суко де томато»... Сейчас открою вам секрет... «Фазендный ром с томатным соком» —

Вот дивной фразы перевод! От этой фразы много прока Тому, кто весело живёт. Я помню, в баре «Саветра» Впускал в себя мудковый хмель, Когда подсели пара Педров, Лоренцу, Энцу и Мигель. Не вру! Два Педру! Ну ей-богу! Не вру! Тогда ещё не пьян. Тут донов Педров очень много, Не то что диких обезьян.

...Когда беседа как-то прытко Перескочила на напитки, Мигель сказал: — Наверняка Вы гоните из тростника В России обалденный ром! — Нет, тростниковый мы не пьём.

— А из чего? — спросила тётка. — Как из чего? Пшеница! Водка!

Я в баре показал бутылку «Столичной». Педро-первый

пылко Вскричал: — Хочу её попить, А русский должен угостить! Призыв не вызвал возражения, Мы после крута угощения Переместились в бар «Буковски» И там добавили «Московской»

«Буковски» — хипстерская хрень, Подобие московской «Клавы». Здесь пьют не все кому не лень, Здесь тупорылые, величавы

И до деревни Олимпийской Себе велел позвать такси, Сказав бармену: «Гран мерси».

Сидят с макбуками, насупись, Прайвотерхаусы и Куперс, Юристы в оксфордских рубашках —

За вечер выпьют три рюмашки И обсуждают в два стола, Как жизнь экспата тяжела. Когда бы Чарльз Буковски с ними

Столкнулся, он бы не шутил И в тот же миг своё бы имя В названии бара запретил. Ну ладно, тут я придираюсь. Толпа менялась. Напиваясь, И я немножко подобрел. В углу экран ТВ горел. Все штатники смотрели теннис, И вдруг какой-то лысый пенис На весь кабак воскликнул: — Фак!!!

И показал рукою знак, Понятный русским и китайцам — Кулак с торчащим средним пальцем.

Мы с доном Педро возмутились, А он — орёт: «Серену! Вильямс! Дерёт Свитолина Элина! Я вижу надписи «Украина», Приятно ёкнуло внутри. Удар! Еще! И вот — 6:3! Не часто видели арены Лица такого у Серены... Она же — первая ракетка! Ну что, домой в Майами, детка?

Дон Педро крикнул: — Гринго, гуд?

Иран! «Мақдоналдс»! Голливуд! И, гринго подколошь пытаюсь, Большой показывает палец На очень крепком кулаке. Америкос сидел в тоске И пил чаёк по-стариковски. Тут завалился в бар «Буковски», В дверях сложившись пополам, Голландец, Крепкий.

Пьяный в хлам. Он весел был, лица не хмурил, Представился: — ван Гелдер Юри, Я был тогда ещё не пьян.

Гимнаст. Уже прошёл в финал! Как этот Юри выпивал! Да, это видеть было надо: Он, явно в честь Олимпиады, Составил в кольца пять

стаганов, Налил бухла пяти цветов И, улыбнувшись как-то странно, Бухнул, уснул и — был «готов». Потом — проснулся,

выпил виски И до деревни Олимпийской Себе велел позвать такси, Сказав бармену:

«Гран мерси».

Наутро разнесли газеты, Что он за поведение это Был из команды исключён, Что правила нарушил он, Набравшись, так сказать, «по гланды» И опозорив Нидерланды.

Ну что, вы поняли, друзья, Что олимпийцам пить нельзя? Они во всём должны быть

чисты, Не то что, скажем, журналисты.

(продолжение в следующем номере)

И тут случилось дзюдо

Во что надо верить, чтобы пережить олимпийский день

moscow view

НИКОЛАЙ ФОХТ

Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий где искать поддержку и опору? НИКОЛАЙ ФОХТ попробовал утопить тоску в чашке кофе, но вместо этого погрузил-

ся в нее — тоску, а не чашку — еще глубже. Чтобы выжить в такой ситуации, нужна сильная вера. Московский корреспондент «Коммерсантъboscosport» попробовал поверить в дзюдо — и не прогадал.

Обычное время для ликования — 10–11 вечера. Сначала золото Хасана Халмурзаева, потом серебро в женской гимнастике. Но до этого надо пережить тихое утро, мертвый час московского болельщика, потом вялый и бесцветный полдень.

Я видел, как волейболисты во главе с великим Тетюхиным искали свою игру с Аргентиной. После нескольких чудовищных ошибок знаменосец надолго ушел с площадки, бились молодые. У старшейин, скорее всего, акклиматизация — Тетюхин и Гранкин, когда появлялись на площадке, выглядели растерянными: странные улыбки, в глазах — страдание. Нормально, по-игроцки правильно вел себя только Артем

Вольвич: казалось, его радостного темперамента хватит на все команду, включая ветеранов. Не хватило. Хотя, справедливости ради, никакого отчаяния или безнадёги — надо только проснуться.

Чего не скажешь про игру женской сборной по водному поло. Может, лучшие времена российской сборной уже прошли, а может, еще и не наступили, но так тоже нельзя — с разницей в десять мячей.

В такие минуты хочется выйти наружу, к людям, поделиться своими горестями и опасениями.

В кофейне на дежурный вопрос, как ваш день, задался ответным вопросом: что с боксерами-то, какая-то бледная тень на ринге, а не команда?

— У каждого своя Олимпиада, — загадочно откликнулась на мои страдания бариста. — Я вчера в квесте участвовала. Пять километров в бёрдах. Потом планка. Все болит. И давно эти ваши Игры?

Да зачем тебе знать, детка. Бегай в своих начиненных до блеска бёрдах по родному краю, горя не знай.

В минуты депрессии люди обычно ловят покеромонов — я листаю свою ленту фейсбука. И вдруг — озарение, вспышка! На фотографии моей знакомой, замечательного спортивного фотографа и журналиста, — Рио-де-Жанейро. Селфи с Натальей Кузотиной, южноамериканские пейзажи и натюрморты. Я срочно взбодрился и шлепнул по иконке.

— Марина, привет. Ты ведь пресс-секретарь Федерации дзюдо, — сообщила я Марине Майоровой. — И ты в Рио.

— Ведь да, пресс-секретарь. И по картинкам несложно догадаться, что я тут. Подожди, я не слышу тебя, тут такой шум.

Да, в трубке бушевала арена Сагюса. Такой это был контраст с московской стагнацией, с нашим столичным чопорным, обижённым на-

строением. Я ожил, а может, и более того — возродился. На волне нахлынувших чувств задал Марине, скорее всего, неожиданный вопрос:

— Как там с питанием?

— По-разному. Рай для тех, кто мяسو любит: оно, по-моему, дешевле овощей. На арене в Сагюса все дико дорого — хот-доги, чипсы... Да тут некогда про еду думать, утром да перед сном успеваем перекусить.

— Как у ребят настроение, у команды?

— Ты понимаешь, у тех, кто в сборную попал, такой график был — чувств ли не каждую неделю серьезное соревнование. Они все закаленные. Мы же в Рио уже боролись — так что привычно даже.

— А чего там такой ор стоит?

— Ну ты чего, в Бразилии дзюдо только футболу уступает. Они тут безумствуют, особенно когда их борцов объявляют. Жаль, наших мало на трибунах людей.

— В смысле?

— Ну плакатов и всяких перетяжек много, а самих болельщиков мало. По сравнению с Лондоном тем же.

— Сегодня что-нибудь возьмем, как думаешь?

— Хасан Халмурзаев сегодня в 81. Абсолютно спокойный. Коронка — подхват изнутри, но борется очень разнообразно.

Там, в Рио, опять заревела горсида. Вечером все получилось, как сказала Марина. Сначала Хасан обманул канадца (всю схватку приучал его, что подсечкой изнутри готовит свой подхват — и вдруг сделал как раз подсечку), в полуфинале внезапно — бросок через голову на иппон, а в финале сконтрил как раз подхватом.

«Вот видишь!» — написала Марина после схватки.

Теперь я вижу еще лучше, Марина, спасибо.